

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-16-21
УДК 32(045)

Аналитическое сопровождение специальной военной операции России: опыт первого этапа

А.Б. Шатилов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья представляет собой политологическое осмысление результатов первого этапа специальной военной операции на Украине, начавшейся 24 февраля 2022 г. Прежде всего, автор концентрируется на проблеме аналитического сопровождения СВО, констатируя, что в этом плане российская сторона столкнулась с серьезными просчетами и ошибками как гражданских, так и военных экспертов, в своем большинстве неверно оценивших общественный потенциал противника, а также расклады внутри украинской элиты. Автор рассматривает политические, экономические, социальные, ценностно-идеологические трансформации, произошедшие за последние 8 лет на Украине и серьезно подорвавшие там позиции пророссийских сил. Одновременно отмечается слабость российской политики «мягкой силы» в 2014–2022 гг., а также негативные последствия Минских соглашений.

Ключевые слова: специальная военная операция; Украина; Россия; аналитика; общество; элита; аналитическое сопровождение; информационная война; денацификация

Для цитирования: Шатилов А.Б. Аналитическое сопровождение специальной военной операции России: опыт первого этапа. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):16-21. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-16-21

ORIGINAL PAPER

Analytical Support of the Special Military Operation of Russia: Experience of the First Stage

A. B. Shatilov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is a political understanding of the results of the first stage of the special military operation (SMO) in Ukraine, which began on 24 February 2022. First of all, the author focuses on the problem of analytical support of the SMO, stating that in this regard the Russian side faced serious mistakes and mistakes of both civilian and military experts, mostly misjudged opponent's social potential, and the deal within the Ukrainian elite. The author considers the political, economic, social, value and ideological transformations that have occurred in the last 8 years in Ukraine and have seriously undermined the positions of pro-Russian forces there. At the same time, the weakness of the Russian policy of "soft power" in 2014–2022 is noted, as well as the negative consequences of the Minsk agreements.

Keywords: special military operation; Ukraine; Russia; analytics; society; elite; analytical support; information war; denazification

For citation: Shatilov A. B. Analytical support of the special military operation of Russia: Experience of the first stage. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(3):16-21. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-16-21

Военно-политические конфликты и противоборства XXI в. — это не только столкновение военных технологий, боевого мастерства и оперативных талантов генералитета, но и жесткое противостояние в «сопредельных» сферах, прежде всего в области массовых коммуникаций и аналитики. Современные политтехнологии и агитационно-про-

пагандистская работа широко используются для воздействия на «внутреннее» и «внешнее» общественное мнение, а грамотная аналитическая подготовка позволяет предусмотреть трудности и проблемы «небоевого» порядка, оценить степень сопротивляемости противника, найти у него «болевые точки» в политике, экономике, социальной жиз-

ни, разработать программу взаимодействия с гражданским населением подконтрольных территорий.

При всем том, что российская СВО в военном плане в целом развивается достаточно успешно, тем не менее, в области аналитики и PR мы существенно проигрываем не только Западу, но и украинской стороне. Справедливости ради надо сказать, что последнее время (май-июль 2022 г.) ситуация стала постепенно изменяться к лучшему, однако первый этап СВО требует серьезного осмысления, в том числе, политологического характера.

Если обратиться к проблеме аналитической подготовки и сопровождения СВО, то в этом отношении был сделан ряд ошибок.

Первая относится еще к 2014 г., когда российские власти позволили Западу и Украине навязать себе абсолютно невыгодные, а где-то абсурдные Минские соглашения (так называемые «Минск-1» и «Минск-2»). Более того, долгое время они провозглашались главным залогом «худого мира» с Киевом. Тогда (в 2014–2015 гг.) в российской элите преобладали «прекраснодушные» настроения относительно взаимоотношений с западными партнерами. В частности, доминировала точка зрения, что Россия настолько вписана в политический и особенно экономический миропорядок («глобальное акционерное общество»), что Запад «простит» ей реинтеграцию Крыма и патронаж ДНР и ЛНР и постепенно возобновит прерванное в результате политики санкций взаимовыгодное сотрудничество [1]. Также существовала иллюзия относительно того, что Евросоюз как наиболее «завязанный» на Россию актер не позволит англосаксам идти ва-банк. При этом, однако, не были учтены ни безволие европейских элит, ни их неолибертарианский настрой, исключавший идеологический компромисс с «консервативной» и «нетолерантной» Москвой. Некоторые надежды возлагались также на европейский бизнес, который, по мнению многих кремлевских аналитиков, мог стать центром сопротивления эмоциональному и непродуманному санкционному курсу европейских политиков. Причем сначала прагматичное европейское предпринимательское сообщество действительно пыталось фрондировать и протестовать против политики изоляции России, однако после крайне странной и трагической гибели в авиакатастрофе своего лидера — главы

французского энергетического концерна Total Кристофа де Маржери, бизнесмены предпочли «лечь в дрейф» и поддержать санкции¹.

Еще одним стратегическим просчетом российской стороны являлись надежды на то, что Запад не возьмет на свой «кошт» постмайданную Украину, не предоставит ей «безвиз», не окажет ей мощную военно-политическую поддержку. Тогда считалось, что для США и ЕС это будет слишком невыгодно и затратно. В этом случае вполне логичным представлялся вариант бескровной нейтрализации враждебных украинских элит либо за счет процессов «федерализации», либо за счет прихода к власти электоральным путем «Януковича № 2» — относительно приемлемого и договороспособного нового украинского лидера. Однако при этом были проигнорированы факты, свидетельствующие в пользу того, что Запад не собирается бросать на произвол судьбы территорию, завоеванную в ходе «революции гидности». Во-первых, в Вашингтоне никто не отказывался от стратегии З. Бжезинского, которая была обозначена в его «Великой шахматной доске». В данной книге он проводил мысль о том, что для сдерживания «великодержавных» амбиций России США должны всеми силами удерживать в сфере своего влияния Украину, способствуя ее максимальному разрыву с «москалями»: «Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей» [2]. Соответственно, политика Запада (прежде всего, англосаксов) на украинском направлении периода 2014–2022 гг. была четко ориентирована на то, чтобы разрушить фундамент российско-украинских отношений, сохранившийся со времен СССР и первых двух десятилетий постсоветского развития. Во-вторых, в условиях «войны санкций» и кризиса «униполярности» англосаксонские элиты открыто заявили о своей политике «сдерживания России». Соответственно, территория Украины рассматривалась (и до сих пор рассматривается) как плацдарм для давления на Российскую Федерацию, как зона нестабильности у ее границ. В качестве доказательства подобного утверждения мож-

¹ URL: <https://cont.ws/@cherchill/59456>

но привести убедительные фактические данные последних 8 лет: регулярные совместные учения военных Украины и НАТО, открытие от 11 до 40 засекреченных биологических «двойного назначения» в Киевской области, под Харьковом, Одессой, Николаевом, Днепропетровском, Львовом, Тернополем², создание опорных точек для размещения военных баз Североатлантического альянса на территории Украины (например, в Очакове или на Яворовском полигоне³) и пр. Более того, еще задолго до Майдана 2013–2014 гг. представители американских спецслужб начали готовить (и в плане повышения боевой подготовки, и психологически) украинских военных к перспективам столкновения с ВС РФ⁴. Соответственно, надежды определенной части российской элиты на пассивность Запада на украинском треке явно не оправдались — США и их союзники не только не оставили Украину «на произвол судьбы», но оказали ей массивную политическую, военно-техническую и экономическую помощь. В частности, за период 2014–2021 гг. только Евросоюз выделил Украине € 17 млрд в виде грантов, льготных кредитов и гуманитарной помощи⁵. Примечательно, что даже в настоящий момент (июль 2022 г.), когда украинская государственность вступила в полосу системного кризиса, западные страны продолжают регулярно выделять средства на поддержку режима В. Зеленского.

Крайне серьезной недоработкой в сфере аналитики на украинском направлении стали неверные оценки общественных настроений в «Незалежной» накануне СВО. Агитационные материалы первых недель и публичные выступления руководителей России показывают, что имело место недопонимание изменений политической и идеологической позиции населения как Украины в целом, так и Юго-Востока в частности, произошедших за последние 8 лет. Представляется, что при планировании СВО они исходили из социологических данных образца 2014 г., когда пророссийские

настроения были существенно выше: на Юго-Востоке они колебались от 50–55% поддержки России в Днепропетровской области до 70–75% — в Одессе и Харькове (в «сепаратистских» Донецке и Луганске уровень симпатий к Российской Федерации был еще выше). Однако за последние годы произошли существенные изменения, которые значительно снизили «пророссийские показатели», о чем свидетельствовали опросы общественного мнения и результаты голосования местного населения на украинских президентских и парламентских выборах. Это явилось следствием целого ряда обстоятельств.

Во-первых, убедившись в 2014 г. в ненадежности населения Юго-Востока, украинские власти предприняли достаточно эффективные меры по нейтрализации пророссийского ядра как в органах власти и управления подконтрольных областей, так и в среде местной общественности. В частности, по линии СБУ прошли массовые аресты пророссийских активистов, был осуществлен жесткий прессинг политических и «бытовых» сепаратистов со стороны праворадикальных организаций, сопровождавшийся, в том числе, избиениями и убийствами «агентов Москвы», была запрещена деятельность целого ряда оппозиционных политических партий и организаций, поставлена под жесткий контроль деятельность украинских СМИ [3].

Во-вторых, сворачивание темы «русской весны» российской стороной и заключение противоречивых Минских договоренностей серьезно демотивировало пророссийскую общественность, оставшуюся на подконтрольной Киеву территории [4]. При этом негативный опыт воюющих республик Донбасса также оказал удручающее воздействие на умонастроения населения Юго-Востока Украины, которое в 2014 г. явно рассчитывало на безболезненный «крымский сценарий».

В-третьих, при помощи целого ряда мер украинская сторона попыталась «разбавить» пророссийскую общественность. Для этого использовались весьма разнообразные и достаточно эффективные методы. Прежде всего речь шла о целенаправленной идеологической обработке молодежи как в ходе обучения в школах и вузах, так и в ходе реализуемой молодежной политики. В итоге за 8 лет украинской власти удалось взрастить себе на Юго-Востоке значительную «группу поддержки»

² URL: https://tsargrad.tv/investigations/biooruzhie-ssha-raskryty-dannye-sekretnyh-laboratorij-na-ukraine_510135

³ URL: <https://www.kp.ru/daily/28345/4491907/>

⁴ URL: <https://rg.ru/2022/05/11/kirbi-priznal-cto-ssha-gotovili-ukrainu-k-vojne-v-techenie-8-let.html>

⁵ URL: https://tass.ru/ekonomika/13545027?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

и инициировать конфликт «отцов и детей» — если у первых в своем большинстве были и есть пророссийские симпатии, то у вторых — как раз наоборот. Кроме того, в некоторых случаях речь шла о прямой «диффузии» населения. Так, известно, что в «политически неблагонадежные» Славянск и Мариуполь целенаправленно переселялись «идеологически правильные» кадры с Западной Украины.

В-четвертых, достаточно эффективными оказались агитация украинских СМИ, а также ряд идеологических «приманок» со стороны власти. В последнем случае весьма привлекательно на украинское общество подействовала пропаганда проектов «евроинтеграции» и «безвиза», которые создали у местного населения иллюзию грядущего «светлого будущего». В противовес данной радужной перспективе украинские СМИ нагнетали ситуацию вокруг России, убеждали общество в ее изоляции и геополитическом поражении, гипертрофировали ее издержки от санкционного давления Запада. Одновременно активно продвигалась идея о том, что «Украина — это не Россия», что украинская нация интегрирована в европейскую культуру, а США и ЕС являются гарантиями безопасности Украины и не допустят «агрессии со стороны России». Все это также привело к «перетеканию» неустойчивой части пророссийского электората к идеологическим оппонентам.

Отдельно надо отметить крайне слабую российскую политику «мягкой силы» на украинском направлении. Долгое время (в том числе в 2014–2016 гг.) ее фактически курировал посол России на Украине М. Ю. Зурабов, который действовал весьма инерционно и пассивно, предпочитая латентные договоренности с представителями украинского истеблишмента. Затем идеологическое и мировоззренческое обеспечение украинского направления перешло под контроль помощника Президента Российской Федерации В. Ю. Суркова, который попытался активизироваться на данном направлении, реализовав проекты «Шатун» и «Троя», но особого успеха данные инициативы не принесли. В итоге было принято спорное решение делать ставку на внутриукраинскую оппозицию (В. Медведчук, Ю. Бойко, В. Рабинович, Д. Фирташ, отчасти Р. Ахметов) и на «постмайданную» эмиграцию (О. Царев, Н. Азаров и др.), которые обещали аппаратно-политический реванш [5].

Однако такого рода обещания так и остались нереализованными. Более того, главная оппозиционная партия «Оппозиционная платформа — За Жизнь» провалила парламентские и президентские выборы 2019 г., получив всего 13% и 11,68% голосов соответственно. А в ходе президентской кампании выдвигенец ОПЖ Ю. Бойко занял лишь 4-е место.

При этом любые иные попытки российского руководства по традиции закулисно договориться с украинскими элитами о полюбовном разрешении кризиса, затянувшегося с 2014 г., наткнулись либо на жесткое противодействие со стороны кураторов Киева из Вашингтона, Лондона и Брюсселя, либо приводили к бесполезной трате сил и средств.

Все это привело к тому, что уровень внутриукраинской поддержки российской СВО на первом ее этапе оказался гораздо ниже ожидаемого. При этом даже «пророссийская» часть украинского общества разделилась на три подгруппы. Первая безоговорочно поддержала операцию ВС РФ в надежде на освобождение страны от «бандеровщины», вторая — напротив, осудила Россию «за агрессию», третья — затаилась, поскольку в условиях «военного времени» не без оснований опасалась репрессий со стороны «заукраинцев».

Сродни недооценке общественных настроений на Украине была и недооценка потенциала ее вооруженных сил. Действительно, в 2014 г. «Северный ветер» относительно легко справился с ВСУ: потери украинских войск составили от 5 до 35 тыс. чел. (по разным оценкам), одновременно было уничтожено до 80% украинской боевой техники. Более того, в тот период противостояния украинские солдаты были слабо мотивированными, идеологически аморфными, политически дезориентированными. Тогда лишь отдельные подразделения ВСУ и нацбатальоны («Правый сектор», «Айдар», «Торнадо», «Донбасс», «Азов») являлись серьезным и, главное, принципиальным противником. К тому же среди военнослужащих украинской армии в 2014 г. имелись существенные разногласия по поводу методов ведения «АТО», населения Юго-Востока, идеологических и геополитических приоритетов украинской государственности. Однако за 8 прошедших лет в ВСУ произошли серьезные изменения. Во-первых, были проведены значительные чистки комсостава и назначены новые политработники в большинстве

своим из числа украинских националистов⁶. Во-вторых, была проведена интенсивная и эффективная идеологическая «накачка» украинских силовиков в духе «незалежности» и русофобии. В-третьих, целенаправленно в рядах ВСУ были «перемешаны» кадровые и националистические подразделения, это привело к тому, что ранее маргинальная нацистская и прозападная идеология широко проникла в ряды «збройных сил» и обусловила их мировоззренческую мотивацию. Кроме того, идеологическая мотивация с 2014–2015 гг. подкрепляется существенными окладами и надбавками⁷, которые в условиях системного социально-экономического кризиса на Украине делают службу в армии достаточно престижной и выгодной.

Соответственно, первые недели СВО явились для российской стороны серьезным разочарованием — украинская общественность в массе своей поддержала режим Зеленского, а украинские военные продемонстрировали верность присяге и не спешили сдаваться в плен. Более того, даже «обычные» части ВСУ воевали идеологически мотивированно, мало чем отличаясь от нацистских батальонов.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, при подготовке к СВО были допущены серьезные ошибки в области ее

аналитического сопровождения, что привело к неадекватной оценке как боевого, так и идеологического потенциала противника.

Во-вторых, такого рода просчеты, судя по всему, стали результатом несовершенства кадровой политики. С одной стороны, в качестве экспертов зачастую привлекались достаточно возрастные люди, которые «по старинке» продолжали верить в «братство народов бывшего СССР», хотя идеологический надлом случился на Украине еще в 2000–2001 гг., а к 2013–2014 гг. украинское общество было настроено уже весьма критично как к России в целом, так и к интеграционным процессам под эгидой Москвы⁸. С другой стороны, аналитические материалы поступали от различного рода украинских «диссидентских» специалистов (либо бежавших в Россию после Евромайдана, либо из числа внутриукраинской оппозиции) и несли на себе отпечаток ангажированности, а то и просто корыстного желания получить российское финансирование за счет создания «воздушных замков».

В-третьих, дальнейшее развитие СВО на Украине, денацификация и освобождение территорий от власти Киева невозможно без глубокого и многостороннего анализа украинских политических и идеологических трансформаций последних 30 лет, понимания специфики политической культуры современного украинского общества, разработки масштабной программы его «перепрограммирования» на началах денацификации и демилитаризации.

⁸ URL: <https://ria.ru/20131225/986417737.html>

⁶ URL: https://nation-news.ru/22599721-aksenov_pochti_vo_vseh_chastyah_vsu_bili_otvetstvennie_za_natsistskuyu_ideologiyu_politработniki

⁷ URL: <https://visasam.ru/emigration/perezedsng/zarplata-voennyh-v-ukraine.html>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шатилов А.Б. «Крымский консенсус» российской элиты: причины и последствия. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2015;2(18):6–13.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). Пер. с англ. М.: Международные отношения; 1998.
3. Проценко А.В. Соотношение понятий «государственный террор» и «государственный терроризм» в контексте анализа современного политического режима Украины. *Вестник Луганского национального университета им. В. Даля*. 2019;1(19):128–133.
4. Романович Н. Парадоксы «Минских соглашений» и восприятие россиянами украинских событий. *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2015;3(7):61–68.
5. Работяжев Н. Парламентские выборы на Украине: триумф либерального популизма. *Россия и новые государства Евразии*. 2019;3(44):50–51.

REFERENCES

1. Shatilov A. B. "Crimean Consensus" of the Russian elite: causes and consequences. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2015;2(18):6–13. (In Russ.).
2. Brzezinski Z. *The Grand Chessboard (American Promacy and Its Geostrategic Imperatives)*. Moscow: International Relations; 1998. (In Russ.).
3. Protsenko A. V. Relationship concepts "state terror" and "state terrorism" in the context of analysis of the modern political regime in Ukraine. *Bulletin of the V. Dahl Lugansk National University*. 2019;1(19):128–133. (In Russ.).
4. Romanovich N. Paradoxes of "Minsk agreements" and the perception of Ukrainian events by Russian citizens. *Scientific Herald of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Humanities and Social Sciences*. 2015;3(7):61–68. (In Russ.).
5. Rabotyazhev N. Parliamentary elections in Ukraine: the triumph of liberal populism. *Russia and New States of Eurasia*. 2019;3(44):50–51. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Борисович Шатилов — кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Aleksandr B. Shatilov — Cand. Sc. (Polit.), Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>

ashatilov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.07.2022; принята к публикации 10.07.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 01.07.2022; accepted for publication on 10.07.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.